

УДК82.09(44)-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.090

Р. ГАРИ О ТОЖДЕСТВЕ И РАЗЛИЧИИ В РОМАНЕ «БЕЛАЯ СОБАКА»

Т.Г. Струкова

Воронежский государственный педагогический университет
кафедра русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Статья посвящена исследованию проблемам национальной идентичности, реализации авто/гетеростереотипов в межличностной коммуникации в романе французского писателя Р. Гари «Белая собака». Автор анализирует писательское представление о тождестве и различии, об истоках конфликта, который в XXI веке получил название «расизм наоборот».

Ключевые слова: *идентичность, национальная идентичность, автостереотипы, гетеростереотипы, тождество, различие.*

Идентичность – это характеристика отношения индивида к самому себе. Э. Эриксон в книге «Идентичность: юность и кризис» писал, что идентичность – это «чувство непрерывной самоидентичности» [6, с. 43]. Идентичность есть горизонт, по отношению к которому индивид действует и существует как целокупность, он может относиться к этому горизонту совершенно по-разному, но обойтись без него невозможно. Процесс адаптации личности не является постепенно-поступательным, он периодически резко нарушается, что вызывает кризис идентичности, который стимулирует следующий этап идентичности. В строгом смысле слова идентичность атрибутируется самим индивидом, понятие «коллективная идентичность», «национальная идентичность» требует дополнительного объяснения, к примеру, в социокультурном контексте идентичность означает принадлежность индивида к какому-то типу коллектива [4; 5].

Проблема идентичности находилась в центре внимания критической теории (М. Хоркхаймер, А. Адорно); к этому феномену обращались Э. Левинас, французские постструктуралисты (Ж. Деррида, Ж. Дёлез, Ж. Бодрийар, Ф. Лиотар, Ю. Кристева), американские деконструктивисты (Д. Х. Миллер, Х. Блум). В конце 60-х годов Жак Деррида в работе «Письмо и различие» (1967) и Жиль Делёз в книге «Различие и повторение» (1969) утверждали, что понятие *различие* первично по отношению к *идентичности* [2; 3, с. 24].

Американские психологи Б. Слугоский и Дж. Гинзбург интерпретировали положения Э. Эриксона в нарративно-дискурсивном ключе.

© Струкова Т.Г., 2021

Они пересмотрели эриксоновскую модель эго-идентичности как способ лингвистического саморасказа о себе и других. Б. Слугоский и Дж. Гинзбург полагали, что люди используют объяснительные дискурсы, чтобы «скоординировать проецируемые ими идентичности, то есть проекты своего Я, внутри которых они должны выжить» [7, с. 50]. Эго-рассказы всегда обусловлены конкретной эпохой во всех ее проявлениях, а индивид, по мнению Б. Слугоского и Дж. Гинзбурга, видит себя таким, каким его видят другие. В трактовке американских ученых идентичность – это генерализированный Другой.

Идентичность базируется на национальной основе – культуре, этнических особенностях, мифах, сказках, верованиях, нравственных законах. Такое понятие как «национальный характер» оказывает мощнейшее воздействие на формирование человеком представления о себе, о собственном месте в мире, что предполагает родство, единство сущностного и формальных начал, общность внутренних установок и внешних проявлений. Традиционные модели (а они устойчивы) формируют национальное сознание, воздействуют на психологические реакции и поведение во время межкультурной коммуникации. В восприятии другой нации и формировании представления об иной национальной идентичности, культуре, языке, литературе огромную роль играют *автостереотипы* и *гетеростереотипы*.

Автостереотипы – это общие представления (исторические, культурные, эстетические, психологические, социальные, политические, этические, языковые и т. д.) нации о самой себе. Автостереотипы допускают иронию, насмешку и даже сатиру только в том случае, когда артикулируются изнутри, представителями самого народа.

Гетеростереотипы отражают то, что думают люди по отношению к другой нации. В гетеростереотипах отражается многообразный эмоциональный спектр: симпатии, антипатии, интерес, предрассудки, предубеждения, которые с трудом преодолеваются и которые в той или иной степени являют себя при встрече с другой культурой. Гетеростереотипы чаще всего критичны (и зачастую язвительны) по отношению к иной национальной идентичности.

Авто/гетеростереотипы со всей очевидностью являют себя в автобиографическом романе французского писателя Ромена Гари (1914-1980) «Белая собака» (1970). В качестве короткого рассказа «Белая собака» появилась в октябре 1970 года в журнале «Лайф». По-французски как роман был опубликован издательством Галлимар, английская версия романа была издана «Новой американской библиотекой» в том же году.

В «Белой собаке» Гари критически относится как к расизму, так и к активистам, которые отстаивали особые права афроамериканцев.

Главное, что волнует писателя, это вопрос о том, способны ли люди быть терпимыми к другой самости и существует ли возможность реального социального общежития.

Действие романа отнесено к 1968 году, знаменитому выступлению студентов Сорбонны в Париже, убийством борца за гражданские права негров Мартина Лютера Кинга в США. Место событий – Беверли Хиллз, где писатель жил со своей женой голливудской актрисой Джин Сиберг.

В романе четко указана дата, когда начались все события, – 17 февраля 1968 года. В это день писатель нашел у порога собственного дома в Беверли-хиллс красивую породистую овчарку, которую он назвал Батькой. Но вскоре у Батьки совершенно случайно обнаружился ужасный, по мнению Гари, недостаток: пес ласково встречал белых гостей и с бешеным набрасывался на людей с черным цветом кожи. Как ему объяснили в питомнике, это была «белая собака». Предки Батьки прошли отбор на плантациях Юга, они были натасканы на поимку беглых рабов. Гари решает «восстановить справедливость» и отучить собаку нападать на негров, а для этого уговаривает чернокожего дрессировщика Киза перевоспитать пса, потому что в доме нельзя держать «собаку, которая в глазах наших чернокожих друзей была воплощением веков рабства и своим присутствием постоянно о них напоминала» [1, с. 22].

Рассказ о белой собаке переплетается с повествованием о том, как Америка напоказ «искупала вину» перед чернокожими: проводились многочисленные собрания, белые выказывали желание «идти в семьи, чтобы лучше понять афроамериканцев» [Там же, с. 15]. Жена писателя решила принять участие в восстановлении порушенной справедливости и постоянно жертвовала деньги на «создание школы без ненависти» [Там же].

Размышляя о ситуации в Америке, которая так его тревожила, писатель замечает: «Между тем, мне не следовало бы на них злиться: позади у них века рабства. Я не говорю о чернокожих. Я говорю о белых. Вот уже два века они рабы принятых идей и предрассудков, благоговейно передаваемых от отца к сыну, два века покорно следуют этим торжественно провозглашаемым, предписанным идеям, которые держат в тисках их сознание, подобно тем колодкам, что в давние времена еще с детства деформировали ноги китайских женщин» [Там же, с. 26].

Рассуждения «прогрессистов» о правах человека есть, по мнению Р. Гари, не что иное, как плохо спрятанное лицемерие и откровенная ложь, которые едва скрывают жажду денег. В тексте читаем: «Должен также признаться, что я испытываю острую антипатию к “профессору” <...> Один из тех прогрессистов, которые возмущаются обществом потребления – и занимают у вас деньги, чтобы пуститься в спекуляцию недвижимостью. Если молодежь упрекает, и совершенно справедливо, некоторых последователей Фрейда в том, что они пытаются приспособить их к боль-

ному обществу, то и старания противоположной стороны, тех, кто хочет приспособить общество к своей больной психике, не представляется мне решением проблемы» [Там же, с. 11].

Писатель с гневом и болью говорит о том, что происходящее в Америке менее всего имело отношение к уважению расовой или этнической идентичности. Его волнует нравственное состояние общества, которое использует любую возможность, даже гибель Мартина Лютера Кинга от рук чернокожего экстремиста, для того, чтобы набить кошелек. «Каждый день на обочине движения за гражданские права возникают мини-группки, чья деятельность имеет одну-единственную цель – обеспечить выживание их “руководящих комитетов”. <...> Я никогда не совал нос в финансовые дела Джин Сибберг. Однако с момента своего приезда наблюдаю не меньше полудюжины мудозвонов, мошенников и вечных пикаро, которые играют – и выигрывают, – делая ставку на ее двойное чувство вины; во-первых, кинозвезды (одного из самых презираемых существ, ибо никому на свете так не завидуют); во-вторых, лютеранки, с ее обостренным чувством *первородного греха*» [Там же, с. 17] (курсив автора – Т.С.).

Гари пишет не только о телесном тождестве людей разных национальностей и разных цветов кожи. Это как раз то, что является единым антропоморфным признаком, объединяющим человечество. Писатель с горечью замечает, что первоотлчком в трагической истории различных наций, этносов, социальных групп было стремление властвовать, доминировать над Другим, не воспринимая этого Другого равным самому себе.

Агрессия копилась с обеих сторон: ни доминирующая сторона, ни обиженная не желала изменить алгоритм коммуникации. Гари отмечает сходство поведения: люди не способны разорвать цепь устойчивых стереотипов, научиться преодолевать или отбрасывать штампы восприятия. Он пытается пробиться сквозь заскорузлый слой ненависти и бросает чернокожему дрессировщику Кизу упрек: «Вы упускаете единственный стоящий шанс, который есть у чернокожих – быть другими. Вы напрасно так стараетесь походить на нас. Слишком много чести делаете нам. Да, мы так хорошо поработали, что, даже если наша чертова порода полностью исчезнет, ничего не изменится.

– Очень может быть, – говорит он (Киз. – Т. С.), но главное, *чтобы это не помешало вам исчезнуть*» [Там же] (курсив автора – Т. С.).

Более пятидесяти лет назад Р. Гари зафиксировал, что расовый конфликт никто не собирается сглаживать, а тем более преодолевать. В романе четко отрефлексовано «рабство наоборот», которое в XXI веке было превращено в манипулятивную технологию унижения белых чернокожими.

Ненависть, зависть, застарелые обиды, враждебность – все это не позволяет человеку, принадлежащему к одному этносу или расе, воспри-

нимать других равным себе. Гари констатирует, что в современном мире доминирует не «различание» (Ж. Деррида), а тождество. Категория *различания* предполагает равнозначность во множестве, тогда как категория *тождества* означает неразличимую одинаковость.

Люди с яростью держатся за свои предрассудки, они не желают менять, в первую очередь, свою жизнь, потому что тогда не остается никакого оправдания собственной злобе. Чернокожие женщины, которым так великодушно помогала Джин, своеобразно отблагодарили ее за поддержку: отравили двух кошек, прокололи шины в машине, стреляли по окнам дома, угрожали по телефону. Гари услышал шокирующее объяснение своего чернокожего друга-адвоката всем этим поступкам: «Их приятели организовали маленькую кампанию устрашения, чтобы отстранить Джин. Чтобы наши славные женщины могли сохранить для себя лично свою нищету, свою привилегию на страдания и гонения, не делаясь этим со звездой. <...> Таким образом, они сами останутся звездами негритюда, звездами своей осажденной крепости» [Там же, с. 49-50].

Писатель блестяще демонстрирует, что люди зачастую ориентируются на внешнюю оболочку. Во время майских событий 1968 года в Париже Гари пытается пройти через полицейский кордон, выставленный против бунтующих студентов, и получает от жандарма удар дубинкой. «Мгновение гнева, и потом все вдруг проясняется: у меня борода, я в джинсах, в куртке, без галстука и – верх неприличности – вместе с молодым негром» [Там же, с. 46]. Для современного читателя поясню: в 1968 году в Париже джинсы и джинсовые куртки носили студенты, оппозиционеры, маргиналы.

Гари устраивает настоящую провокацию: «Переодеваюсь в свой самый изысканный костюм, прикрепляю розетку Почетного легиона, надеваю свою парадную хомбургскую шляпу, сделанную на заказ у Желло» [Там же]. Теперь те же полицейские трогательно предостерегают уважаемого человека об опасности, а какой-то забастовщик готов ударить его железным прутком. Студенты, которые ранее видели в нем своего, «узнают видного врага народа и затевают дискуссию» [Там же, с. 47].

Какая блистательная пародия на права человека, какая ледяная ирония по поводу тезиса о равенстве и братстве, какая едкая похвала глупости. Гари продолжает гуманистические традиции европейской литературы, для которой было свойственно тонкое понимание человеческой природы. Об устойчивых предрассудках восприятия писали Э. Роттердамский, Дж. Свифт, В. Гюго и другие.

А дрессировщик Киз сломал «белую собаку», он превратил ее в «черную собаку». По свидетельству Джин, «в этом было что-то подлое». И далее: «Прежде всего, в смехе Киза – это был смех победителя. Бывают все же другие триумфы, а этот был так же отвратителен, как всякая по-

беда террора. Потому что первым делом возникал вопрос: каким образом он добился этого? Истязаниями? Невозможно было без боли смотреть на эту обезумевшую, растерявшуюся собаку, переставшую подчиняться собственным рефлексам, запуганную, запутавшуюся, обманутую и сбитую с толку людьми – жертву истории. <...> Благое намерение “спасти”, “вылечить” собаку не имело в этой истории никакого отношения. Это была борьбы между людьми» [Там же, с. 24].

В конце повествования Батька, став бойцовской черной собакой, тяжело ранит Ллойда, друга писателя, а затем бросается на Гари, который когда-то приютил его и которого пес любил. «Я видел, как рядом со мной падали и умирали товарищи, но когда я хочу напомнить себе, каким может быть выражение отчаяния, недоумения и страдания, я представляю себе взгляд этого пса. Внезапно он задрал голову и издал душераздирающий, исполненный дикой, темной печали вой. Мгновение спустя он уже был на улице. <...> *Двадцать минут спустя я нашел его на руках у Джин. На его теле не было ни одной царапины. Он свернулся калачиком у нашей двери и умер*» [Там же, с. 52–53] (курсив автора. – Т. С.).

То, что социум проделывает сам с собой, превышает, по мнению Гари, все пределы разумного. Писатель делает закономерный вывод – общество больно. И в Америке, и во Франции большинство людей действуют с позиций непрощенчества, явного или подспудного желания унижить другого, но в этой жажде взять верх унижают себя и проигрывают в борьбе без правил самое главное – человеческое достоинство.

Гари точно диагностировал то, что происходило в самой богатой стране мира: «Я не могу долго оставаться вдали от Америки, потому что еще не настолько стар, чтобы перестать интересоваться будущим, тем, что меня ждет. Здесь решается *наша* судьба, Америка испытывает нас яростно, жестоко, иногда подло, она в остром кризисе» [Там же, с. 51] (курсив автора. – Т. С.).

Конфликт, в который оказались втянутыми белые и черные, американцы, французы, евреи, не имел конструктивного разрешения. Никто не ориентировался на «различание», что предполагает равенство отличий и стимулирование положительно выстроенных отношений. Гари демонстрирует торжество агрессивного тождества, когда одна самость не терпит другую. Тогда как дорога к пониманию себя и Другого, по мнению писателя, пряма и проста: не унижать и не унижаться, не повторять тяжелых ошибок прошлого и не скатываться во враждебность самого разного свойства, которая в любом случае останется враждой, какими бы оправданиями она не прикрывалась.

Основной камертон книги звучит печально: люди с огромным трудом понимают равновеликость чужой жизни, других национальных или этнических устоев и норм. Они не желают отказываться от убежде-

ний, пусть ошибочных, но греющих душу тем, что они свои. Однако самое опасное, на взгляд писателя, заключается в том, что национальные или личностные ценности (одни – существуют для определения нации, другие – являются достоянием отдельного индивида) навязываются остальным, провоцируя обиду, ревность, состояние униженности. Гари, рассматривая в романе национальные, расовые авто/гетеростереотипы, пытается решить болезненный вопрос: как разорвать удушающую петлю непонимания и ненависти, которая затягивается все туже и туже.

Изданный в 1970 году, более пятидесяти лет назад, роман Ромена Гари «Белая собака» подтверждает еще раз тот факт, что литература, обозревая настоящее, умеет предвидеть будущее.

Список литературы

1. Гари Р. Белая собака // Иностранная литература. 1998. № 6.
2. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. 495 с.
4. Струкова Т.Г. Проблема тождества и различия в аспекте национальной идентичности // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. С. 278–287.
5. Струкова Т.Г. Национальная идентичность и постмодернистский дискурс // Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации: материалы школы-семинара. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 109–121.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
7. Shotter J., Kenneth J. Texts of Identity. L.: Sage Publications, Newbury Park, Calif., 1989. 244 p.

R. GARY ON IDENTITY AND DIFFERENCE IN THE NOVEL “WHITE DOG”

T. G. Strukova

Voronezh State Pedagogical University
Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature

The article is devoted to the investigation of problems of national identity, realization of auto and getero stereotypes in interpersonal communication in the novel by the French author R. Gary “White Dog”. The author analyses the writer’s idea on identity and difference, the beginnings of the conflict that is named “racism inversely” in the XXI century.

Keywords: *identity, national identity, auto stereotypes, getero stereotypes, difference.*

Об авторе:

СТРУКОВА Татьяна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета (394043, Воронеж, ул. Ленина, 86), e-mail: tstrukova@vmail.ru.

About the author:

STRUKOVA Tatyana Georgiyevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogical University (394043, Voronezh, Lenina str., 86) , e-mail: tstrukova@vmail.ru.